

ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ

ГОСТЬ НОВОГО ВЕКА

К 80-летию русского поэта Юрия Адрианова

I. Необходимое вступление

Для чего пишутся воспоминания? Чтобы оставить о ком-то добрую или не очень память. Или, наоборот, рассказывая о чьей-то интересной, значимой судьбе, и самому засвидетельствовать собственное пребывание в этом мире. А может быть, они пишутся для того, чтобы ещё раз “побыть рядом” с дорогим тебе человеком, поговорить с ним, повспоминать, пообщаться – подышать воздухом былого и ощутить, как он всё-таки был хорош. Хорош потому, что оставил след в твоей памяти, а значит, и в судьбе. Но иногда воспоминания пишутся, наверное, и для того, чтобы вновь оценить, осознать прошлое, и тогда за что-то его поблагодарить, в чём-то перед ним покаяться.

А правильнее, видимо, будет считать, что пишем мы их, исходя из всех перечисленных поводов сразу. Ибо, вспоминая, мы опять проживаем-переживаем, сопереживаем, мучаемся, страдаем, любим, ненавидим, раздражаемся, сочувствуем... Одним словом – живём. Но разве в нашей жизни есть что-то однозначное, раз и навсегда устоявшееся, решённое, неизменное?

За весь тот срок, что как-то причастен я к нижегородской журналистике и литературе, я лишь несколько раз брал на себя смелость писать о ком-то, вспоминая его в прошлом, прошедшем времени. Но тогда я писал о людях, оставивших во мне, в моей душе совершенно особый и по сию пору не тускнеющий след. Писал не по заказу, не к юбилею, а по зову сердца, по невозможности не писать. Мне никто эти воспоминания не заказывал, и писал я их в никуда, для себя, в стол. Но судьба распорядилась иначе, и все они были опубликованы.

Что же касается моего общения с Юрием Андреевичем Адриановым, то я твёрдо решил для себя обязательно об этом написать, но много позже, когда

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович родился в 1957 году в Красноярском крае. С 1962 года живёт в Горьком (ныне Нижний Новгород). Участвовал во Всероссийском совещании молодых писателей, с февраля 1994 года — член Союза писателей России. С 2001 года — главный редактор литературно-художественного журнала “Вертикаль. XXI век”. Журнал отмечен премией Нижегородской области имени М. Горького (2004) и всероссийской премией имени Александра Невского (2015), многими другими наградами. В 2012 году избран председателем Нижегородской областной организации Союза писателей России и переизбран в 2017 году. Живёт в Нижнем Новгороде.

всё в памяти спокойно уляжется, в душе успокоится. Но вот позвонила Наталья Адрианова – муза и ангел-хранитель покойного поэта. Оказывается, она готовит книгу воспоминаний о Юрии Адрианове. Ни секунды не колеблясь, я ответил, что рукопись обязательно подготовлю к указанному сроку.

Пообещать-то пообещал, а когда приступил к работе, сразу осознал всю её сложность. Юрий Андреевич Адрианов был не только талантлив, трудолюбив, умён – он был ещё и поистине светлым, несущим свет человеком. Как это передать на бумаге? С чего начать?

II. Первая встреча

Вообще-то, ту встречу назвать первой в полном смысле этого слова нельзя. Да, наше личное знакомство состоялось 26 февраля 1985 года в квартире поэта на улице Белинского. Но ещё задолго до неё мы много раз “сталкивались” в здании Союза писателей на ул. Минина, в литературном музее М. Горького, на юбилеях знакомых писателей, на выставках, просто на улице. Меня Юрий Андреевич тогда не знал, хотя “знакомым лицом” я для него, конечно, был. За несколько лет подобных случайных встреч примелькался. Главное же то, что я к тому времени знал его хорошо. Вернее сказать, хорошо знал его творчество, его стихи, публицистику, краеведческие статьи, которые часто, просто каким-то валом печатались в наших нижегородских газетах, а на полках магазинов в ту пору с завидным постоянством появлялись новые книги его стихов, с которыми у меня уже были свои истории. Но об этом чуть позже, просто необходимо сделать небольшое отступление от главной темы.

Очень часто сейчас приходится слышать, что литература “советского периода” была якобы низкого качества и мало востребована современным читателем. Я думаю, что это сознательная ложь. И в первую очередь, она нужна тем, кто хочет скрыть свою малообразованность и малоначитанность.

Литература 60–80-х годов прошлого века (проза, поэзия, критика, публицистика) вышла на такой интеллектуальный рубеж разговора с читателем, который в сегодняшних условиях засилья на печатных страницах попсы и кича трудно себе представить. И мы, те, кто в конце 1970-х начинали свою литературную биографию, росли именно на таком максимально уважительном отношении к книгам и к тем, кто их пишет. Мы знали, любили литературу и потому с глубоким уважением относились к местным писателям, к их труду – читали все нижегородские литературные новинки, участвовали в обсуждении этих книг, писали рецензии. И в своё время, становясь членами Союза писателей, мы продолжали преемственность в нижегородской литературе. Эта преемственность проходила естественно, эволюционно. Поэтому я совершенно не могу понять принципа, по которому формируется членство в наших теперешних Союзах. Принимаются (и, похоже, при полном безразличии, а то и при нежелании принимающихся) какие-то совершенно посторонние, малообразованные и почти не знающие литературу люди, написавшие одну-две книжки, к тому же невероятно слабые, самодельные, любительские... При этом они обязательно подчёркивают, что никого из современных литераторов не знают. В подтексте же звучит, что и знать-то некого, а если брать больше, то вся отечественная литература им почти незнакома и малоинтересна. “Чукча не читатель, чукча – писатель”. И я совершенно не понимаю, зачем всех этих случайных людей с таким упорством и настойчивостью “тащат” в писательские ряды. Не хочется верить, что делается это ради количественного показателя и по принципу личной преданности, но другого объяснения создавшемуся положению я не нахожу.

Я отвлёкся на “большую” писательскую тему только потому, что мы много говорили об этом с Юрием Андреевичем.

Но вернёмся к книгам Юрия Адрианова. Как я уже отмечал, с некоторыми из них у меня связаны свои истории.

К восьмидесятому году ушедшего века я подошёл с рукописями трёх повестей, у меня было более десятка больших рассказов и множество всякой мелочовки. Уже состоялась моя первая литературная дебюта в “Горьковском рабочем” – новеллы, зарисовки, короткие рассказы. Через год мои рассказы опубликуют “Учительская газета” и журнал “Рабоче-крестьянский корреспондент”. Начинаясь период творческого общения и учёбы в Доме учёных –

в литературном объединении “Воложка” под руководством писателя Валентина Арсеньевича Николаева. Но чем больше я “увязал” в литературе, тем беспокойнее и тревожнее становилось на душе – слишком большое и ответственное дело затягивало меня в свой водоворот. В то время я много и жадно читал (не была исключением и запрещённая литература – В. В. Розанов, С. Нилус, “Выбранные места из переписки с друзьями” Н. В. Гоголя и т. д.), думал над происходящим в стране, но главное – о том, что происходит в самом человеке, в его сердце, в его душе. Я ещё не понимал отчётливо, но уже ощущал те глубины, что скрыты в человеческом сознании, и то, что это как-то неотъемлемо соотносится с мистической составляющей мира.

Как зверь, который, заболев, ищет в лесу для выздоровления спасительные травы, корешки, кору деревьев, я так же интуитивно искал ответы на возникающие вопросы в книгах. Причём в каких книгах их искать, подсказать мне было некому. Самообразовывался, трудно отыскивая то, что мне в тот момент было необходимо. Часами пропадал в книжных магазинах. Просматривать и перебирать книги на полках было одним из самых любимых моих занятий, что вызывало недоумение и даже раздражение у моих знакомых и близких. Впрочем, в этом отношении мало что изменилось и теперь.

Вот в такое душевно-смутное время поздней осенью 1980 года и попал мне в руки только что вышедший в Москве в издательстве “Современник” сборник стихотворений Юрия Адрианова “Пламень костров и листьев”. Открыл я книжку наугад и тут же у стеллажей прочитал:

*Осиновые осени России
Свою открыли огненную суть,
И краски семицветья пригласили
Сердца и крылья собираться в путь.
Второе вековечное движенье,
Весеннему возникнув вопреки,
Колышется в горячем озаренье
И вносит в душу тишину тоски.
Ведь и любовь, и чувства человечьи
Подолгу помнят только рубежи:
Года разлуки и мгновенья встречи
Храним мы свято в кладовых души.
И если бы сейчас меня спросили,
Что я сберёг, тоскуя и любя?
Осиновые осени России,
Предчувствие разлуки и тебя.*

И странное дело – что-то во мне после этого прочтения изменилось, укрепилось, будто нашёл я в долгом, изматывающем споре верного друга, сподвижника, опору. Эта давняя книжка, первая купленная мной книжка Юрия Адрианова и теперь хранится у меня на стеллаже, только уже среди всех остальных изданных поэтом книг.

Понятно, что так можно писать о многих книгах поэта – с каждой из них связана своя история. Но я всё-таки не могу умолчать ещё об одной. К тому же это уже будет переход к нашему непосредственному общению.

Июнь 1983 года, здание Союза писателей. Хоронят Николая Ивановича Кочина – известного в своё время романиста, отсидевшего в тридцатые годы десять лет в лагере, написавшего после этого ещё немало книг, ставшего лауреатом Государственной премии. . . Нас, молодёжь, которая уже как-то причастна к литературе, пригласили прийти и, если будет надобность, помочь в процессе похорон. Такая надобность действительно оказалась. В те времена спиртное отпускали в магазинах строго в назначенное время (по этому поводу было принято какое-то очередное постановление), а так как на поминки вовремя его не закупили, то мы, взяв с собой газету с некрологом, отправились в универсам “Нижегородский” договариваться о приобретении необходимого напитка. Пока мы стояли в общей толпе у дверей Союза, решали, что да как, с папочкой под мышкой в хорошем весёлом настроении подошёл к собравшимся Юрий Андреевич. Оказывается, о печальном событии он не знал

и нёс в Волго-Вятское издательство, находящееся в Кремле, корректуру своей книги “Добрый серпень”.

Конечно, об издательстве было тут же забыто, корректура отвезена домой, а мы в это время полностью справились с поручением, и хотя в универсаме не знали, кто такой Кочин, просьбу нашу уважили.

Хоронили Николая Ивановича с достоинством, пронесли гроб по улице Минина до Института инженеров водного транспорта. Помню, что мне пришлось нести красную подушечку с лауреатской медалью Государственной премии РСФСР им. М. Горького. Затем кладбище, поминки, воспоминания о нелёгкой судьбе писателя в годы репрессий. Когда расходились, я увидел, как бережно и терпеливо, по-сыновьи Юрий Андреевич вёл под руку Бориса Ефремовича Пильника, только что похоронившего своего последнего друга.

Вскоре книга “Добрый серпень” появилась на книжных полках. Я её, конечно, купил, совершенно не предполагая, что совсем скоро сборник станет первой книгой, подаренной мне самим автором.

А пока мне хочется вспомнить ещё одну нашу случайную встречу.

В залах Нижегородского художественного музея проходила выставка работ народного художника СССР Ильи Сергеевича Глазунова. Выставка шумная, вызвавшая много споров, яростную критику недоброжелателей в кулуарах. Художника откровенно не любили местные коллеги. Его успех, популярность, удачливость – всё раздражало. Обвиняли Илью Сергеевича (разумеется, заочно) в том, что его работы – это кич, игра на публику, искусственный вызов властям, хотя с властями он тесно взаимодействует, заигрывает.

Но зрители всего этого не знали. Залы Художественного музея буквально кишели ими. Необычность выставки, манера работы автора, сюжеты картин (особенно исторических) никого не оставляли равнодушными. Люди тут же у картин делились впечатлениями, что-то высказывали.

И здесь, в одном из залов, я столкнулся с Адриановым. Мы посмотрели друг другу в глаза, узнали друг друга. Юрий Андреевич был непривычно возбуждён, порывист, беспокоен, я бы даже сказал – азартен. Ещё несколько раз в этот день я видел его в залах музея, и всегда он с кем-то говорил, что-то объяснял, доказывал, убеждал. Позже, когда в “Горьковском рабочем” была напечатана его статья “Споры и чувства. Заметки писателя о выставке”, многое для меня прояснилось.

“И на вернисаже, и в последующие дни, слыша случайно отрывки разговоров, я ещё раз утвердился во мнении, что есть три типа посетителей художественных выставок. Одни идут, потому что это “престижно”. Вторые, заходя не любя художника, идут, чтобы шумными эмоциями посеять сомнения в “душу ближнего”. Третьи – спешат, давно ощущая в искусстве мастера родство и созвучие чувствам и мыслям своим. Художник творит для третьих”.

И далее:

“Да, творчество Глазунова тематикой, образностью, символикой, историчностью требует подготовленного зрителя. Это не картинка!

Глазунов открывается на выставке как автор широкой галереи наших современников, художник-публицист, побывавший в сражающемся Вьетнаме, и человек, духовно обручённый с древними традициями народного искусства, художник, необычайно разнообразный в технике: от станковой графики до коллажа. . . Думаю, всякий человек, которого волнуют страдные письма русской истории, образы русских женщин, мудрость стариков, кто через страницы нашей великой литературы ищет нравственную “дорогу к себе”, не уйдёт с этой выставки холодным, пресыщенным созерцателем”.

Когда в среде художников, к которой всегда был близок Адрианов, Глазунова ругали, над ним насмехались, тогда требовалось определённое мужество, чтобы публично заявить свою позицию, подставить себя под удар авторитетных искусствоведов, да и просто недоброжелателей. Пожалуй, именно тогда я впервые осознал самостоятельность и непреклонность выработанных взглядов поэта. Его уверенность в своей правоте. Уверенность эта зиждилась на великой основе русской истории, русской культуры, русской нравственности. Юрий Андреевич ощущал себя гражданином тысячелетней страны, а не только той, что пыталась вести свою историю с 1917 года. Он был русским советским человеком. Он был плоть от плоти своей земли и не представлял для себя другой. Адрианову всё в истории нашего Отечества было близко.

ПСКОВСКИЙ КОЛОКОЛ

*За какие-то звуки дерзкие,
За слова, что рубил напрямик,
Его били, вырвав язык,
И запрятали... в Белозерске.*

*Грубо брошенный в травы росные,
Триста лет, словно камень, нем,
Весь избитый и безголосый,
Всё равно он похож на шлем.*

.....
*В меди скрыты рыданья всполошные —
Сколько б мёртвой она ни была!
Ничего нет страшней и тревожнее,
Чем молчащие колокола!*

И вот 26 февраля 1985 года.

С шумного дня рождения (пятидесятилетия) местного поэта Виктора Ку-макшева, куда по недоразумению мы с приятелем забрели, ушли, не разде-ваясь. Тогда-то он и предложил пойти к Адрианову. Позвонили ему и поеха-ли на улицу Белинского.

Юрий Андреевич нас уже ждал. Был приветлив, доброжелателен и как-то сразу по-человечески открыто к себе располагал.

Оказывается, он по каким-то причинам не поехал на юбилей друга, пото-му-то мы и застали его дома.

Адрианов сразу показал только что написанные им этюды — яркие, соч-ные, — именно тогда я впервые увидел его знаменитую ветку рябины. Этот сюжет сопутствовал ему до конца жизни. Количество написанных им этюдов с веткой рябины, думаю, исчисляется десятками. Но тогда я увидел это чудо впервые и был восхищён скрытой жизненной энергией, исходящей от работы художника. Думаю, и сам Адрианов скрытую энергию чувствовал, потому так много писал свою рябину, дарил друзьям, близким, потому она и стала, мож-но сказать, его художественной визитной карточкой.

Тогда я ещё не знал стихотворения “Рябина”, которое позже покорило моё сердце.

*Там, где согнул пригорок спину,
Где церковь ветхая молчит,
Такая горькая рябина,
Что даже в воздухе горчит.*

*Густого пламенного цвета,
Как будто сжечь пришла жильё,
Как будто все закаты лета
Вобрали ягоды её,*

*Горит по замершим долинам,
В сады заходит и леса,
Такая красная рябина,
Что розовеют небеса.*

*И вновь уводит от порога,
Призывную приносит весть
Такая дальняя дорога,
Как будто жизнь вторая есть.*

Очень скоро за столом стало оживлённо, весело. Пришла Наташа — су-руга поэта. Она выгуливала борзых — собак удивительной красоты, ума и преданности.

Несколько часов, до самого позднего вечера, мы проговорили о литера-туре, поэзии, живописи, истории, путешествиях. Сидели вокруг стола и гово-рили. На полу у наших ног лежали борзые. Комната с высокими потолками

заставлена шкафами и стеллажами с книгами. Свободное пространство занимают картины. Они висят над тахтой, над дверью — там, где пространство стены не занято книгами и фотографиями близких.

Совершенно особый, неповторимый уют и искренняя теплота человеческого общения окружали нас. И мы радовались этому, принимали в свои сердца благодатное чувство, будто догадывались, что следующая подобная встреча будет нескорой.

На прощание Юрий Андреевич и Наташа подарили мне две книги. На сборнике стихотворений “Добрый серпень” Адрианов написал “Рад знакомству и беседе: Валерию Сдобнякову с пожеланием доброго серпеня и вообще светлого и предоброго, что есть на Руси. Юрий Адрианов. 26. II. 85 г.”.

А на только что вышедшей второй книге очерков “Нижегородская отчина” он оставил такой автограф: “Валерию Сдобнякову, встрече с которым рад, потому что есть те общие чувства и свежие русские ветры, которые и будут залогом добрых встреч. На память о моей “Белинской”. Ю. Адрианов. 26. II. 85 г. Н. Новгород”.

Увы, забегая вперёд, должен сказать, что добрые наши встречи возобновятся намного позже. Правда, это уже совсем другая история, о которой я расскажу ниже. А в этот поздний вечер, почти ночь, я возвращался домой с ощущением праздника в душе. Впечатление от общения было столь сильным и глубоким, что во сне я продолжал наши разговоры, и чувство тепла и света не покидало меня.

III. Провинциальная литературная жизнь

Что за термин такой и чем это отличается — литературная жизнь в столице от провинциальной? Внешне, можно сказать, практически ничем. Только страстишки в провинции помельче, задачи, которые ставят перед собой литераторы, послабее, интрижки — погрязней и поподлей, так как строятся для достижения целей ничтожных, до неприличия мелочных, “копеечных”. Идёт борьба не за идеи, не за славу — за “выживание” в среде местных “классиков”.

Адрианов возвышался над этой борьбой благодаря своей образованности, начитанности, талантливости, порядочности, совестливости, непродажности.

У нас не получилось дальнейшего общения после первой встречи только потому, что я не посмел ещё раз прийти в дом поэта. Я не был ему равней, мне нечего было ему сказать, а потому и не смел переступить порог этого дома. А жизнь шла своим чередом. Я что-то писал, публиковал, но в самом Союзе писателей появлялся редко, а после неожиданной смерти писателя Василия Фёдоровича Осипова, служившего там, и вовсе перестал бывать.

Времена же в стране наступали смутные. Противно было смотреть, как вчерашние борцы за коммунистическое будущее бросились предавать свою идеологию, своих хозяев, своих друзей и наперегонки побежали к новым властителям, ожидая от них подачки, пытаясь рядом с ними обустроиться, выкопать своё лежбище.

Сердце разрывалось, видя всё это, не верилось, что до такой низости способен опуститься человек. Ладно — новые политики “демократической волны”. Они пришли ниоткуда и начали захватывать абсолютно пустое, оставленное на разграбление для них прошлой трусливой властью пространство. Но идеологические наёмники, которые до этого верно служили их врагам, почему они вновь оказались у трона, подобострастно готовые броситься в бой с теми, кто пытался отстаивать честность и справедливость, совестливость окружающей жизни?

В это время нигде, ни в одной подлой тусовке не был замечен Юрий Адрианов. Хотя он-то новые времена переживал как никто — и духовно, и физически. Духовно потому, что хорошо знал мировую историю и на её примерах мог судить о том, что ждёт в скором времени его страну, которую он так преданно любил. Физически потому, что жил поэт только своим литературным трудом, получая гонорары за изданные книги, напечатанные статьи и стихи. Но платить в газетах и журналах стали до неприличия мало, просто крохи. Книги же прекратили издавать вообще.

Я знаю со слов Наташи и Юрия Андреевича, как они в эти времена жили, перебиваясь помощью друзей, голодали, впадали в отчаяние, но никогда,

ни разу себя не предали. Потому что жили в другом нравственном измерении и ради более глубокого и значимого. Он соотносил теперешнее время с тем, которое ему в детстве довелось пережить:

*Я видел Сталинград в сорок шестом,
Осиротевший маленький подранок:
Безглазый, словно череп, чёрный дом
И робкий дым над крышами землянок.*

*Пролёты лестниц, устремлённых ввысь,
И смятые, как тряпки, нефтебаки.
И надписи живые, что клялись
Не отступить,
Не уступить ни пяди.*

Или вот из другого стихотворения:

*Я вскормлен хлебом сорок первого,
Мне не забыть тот горький вкус.
И потому всегда, наверное,
Особой гордостью горжусь,
Увидев тусклое свечение
Солдатских боевых наград,
И счастлив детским приобщением
К словам “Москва” и “Сталинград”!*

Потому у Адрианова и вырвалось из сердца, когда в начале третьего тысячелетия Россию постигла новая трагедия:

*Бессмертны и честь, и отвага,
А Родина выше всего.
Мы век начинали с “Варяга”,
Закончили “Курском” его.*

Не мог он отказаться от памяти и чести за кусок импортной колбасы. Не мог отказаться от того, что было для него свято.

IV. Вторая встреча

В 1999 году у меня вышла первая большая книга прозы “Искушение”, куда вошли повести, некоторые рассказы и очень выборочно очерки. Составлялась книга долго, трудно, хотя первый вариант рукописи был готов ещё в 1996 году. За этот срок мне, собственно, не так много времени удалось пожить в Нижнем Новгороде. Сначала работал в Тюмени. Затем уехал в Ульяновск. В феврале 1998 года вновь переехал в Тюмень. Естественно, в это время работа над книгой приостанавливалась. И всё-таки в сентябре 1999 года она вышла, принесла и свои радости, и свои огорчения, разочарования.

Через одного знакомого мне удалось передать “Искушение” Адрианову. Подписывал я книгу и волновался при этом, как мальчишка.

Через какое-то недолгое время я вновь зашёл в Союз писателей. Там мне сообщили, что звонил Юрий Андреевич, сказал, что моя книга ему понравилась, он её хвалил.

И надо же было такому случиться, что именно в это время вновь позвонил Адрианов. Мне передали трубку, и я услышал прежний, из того давнего времени – времени первого знакомства – добродушно-располагающий голос Юрия Андреевича.

– Ну, ты меня, старик, порадовал.

– Спасибо за добрые слова, Юрий Андреевич, но я так волновался, у меня даже рука подрагивала, когда вам книгу подписывал, был уверен, что она вам не понравится.

– Почему, нет, всё нормально...

Мы поговорили, распрощались, я положил трубку и тут же подумал: если сейчас всё не решить, то пройдёт время, которое может нас отдалить друг от друга. Я вновь набрал номер Адрианова и предложил встретиться. Юрий Андреевич с готовностью согласился.

Так судьба вновь привела меня в этот удивительный, добрый дом. Опять в этот вечер были подарены книги с неравнодушными пожеланиями, этюды, в том числе и “Рябина”. Теперь и у меня в рамке на стене висит этюд с “Адриановской веткой дружбы” – желтеющие листья, красные гроздья – символ прохождения времени и жизнеутверждения его. Символ вечности.

Щедрый, бескорыстный дом, привыкший больше отдавать, чем брать. Сколько бы я ни приходил сюда, почти всегда меня ждал уже приготовленный подарок – книга. Я был свидетелем, с какой щедростью, от души дарились этюды другим людям. И в связи с этим хочется вспомнить один особый случай.

Как-то я пришёл к Адриановым и обратил внимание: в прихожей, громоздятся стопки книг многолетних подписных изданий А. Грина, О. де Бальзака, серии “Предприниматели России”. Особого значения я этому не придавал. Когда же уходил, Юрий Андреевич, несколько даже смущаясь, предложил мне все эти книги забрать.

– У тебя есть дети, пусть читают.

Зная материальные затруднения семьи, я предложил Юрию Андреевичу:

– Отдайте лучше в букинистический магазин.

Адрианов “вспыхнул”, но вслух возмутился сдержанно.

– Зачем? Я лучше тогда в какую-нибудь библиотеку отнесу.

Нестыжание, понимание чести и справедливости были у него в крови, на генетическом уровне. Потому и все сомнительные сделки с совестью по написанию неких заказных статей, как бы ни тяжело было без денег, он отвергал. Чувство совести и чести не позволяло. Тем более, он не мог себе представить, чтобы какие-то вещи, принадлежащие лично ему, могут приносить доход, быть кому-то проданы. Юрий Андреевич получал вознаграждения только за свой творческий труд, только за то, что было приобретено им самим в труде, своим интеллектом, в огранке Богом данного таланта.

Как же мне было неловко в тот раз за своё предложение...

В другой раз Адрианов узнал, что у меня только что был день рождения, и, позвонив, предложил заехать к нему на Белинского. Были у меня в тот день какие-то дела, я несколько опоздал к назначенному сроку, а когда пришёл, то тут же, при встрече, Юрий Андреевич вручил мне свой этюд “Перечитывая А. А. Фета” – тёмный, сумрачный лес, барское крыльцо с колоннами, слабые отблески закатного солнца – всё в этой работе говорит о глубокой сосредоточенности, задумчивости.

Прошло уже много лет, а подарок этот так и остаётся для меня одним из самых дорогих и памятных, потому что был приготовлен заботливо, продуманно и от чистого сердца.

О любви поэта к своему городу я, думаю, будет написано ещё много. Да и не только к городу, а ко всей Нижегородчине, ко всему поволжскому (и заволжскому) краю. Но в последние годы он жил литературным затворником, редко бывая на каких-то презентациях и торжественных встречах, посвящённых юбилейным датам. И потому время от времени он тосковал без общения с городом. В творческом, духовном плане его затворничество было самодостаточным, но с дорогами его сердцу улицами и дворами Юрия Адрианова связывала память. Работа же над рукописью воспоминаний “Память Дятловых гор” обостряла желание вернуться туда, в своё прошлое, к родным людям, соприкоснуться с ними воочию.

*Я гость двадцать первого века,
Столетия минувшего сын...*

Наши переговоры о подготовке к выездам в город обычно затягивались на долгие недели, но каждый раз всё-таки поездки осуществлялись. Удивительно то, что маршрут их был неизменен. На машине я подъезжал к дому Адриановых. Оттуда сразу отправлялись на улицу Ульянова, где прошло детство Адрианова. Напротив дом, где жил знаменитый конструктор судов на подводных крыльях Ростислав Алексеев. Всё это старая, исконная часть города. И дома здесь низкие, двухэтажные, дореволюционные, с тихими двориками.

Оттуда — на улицу Алексеевскую. Затем Волга, Печерский монастырь. Закончилось же наше короткое путешествие в прошлое неизменно у храма Жен Мироносиц. Это была для него необъяснимо мистически-притягательная точка.

Иногда Юрий Андреевич отправлялся в поездки по городу самостоятельно. Выходил из дома, садился в трамвай и ехал, глядя в окно на изменяющуюся в последнее время, вновь застраивающиеся улицы. После таких поездок он звонил друзьям, знакомым, в том числе и мне, делился впечатлениями столь непосредственно, искренне, доверительно, что невольно думалось о нём — человек с чистой душой, как у ребёнка.

Да и вообще его искренность и чистота в общении как-то не очень вязалась с нравами теперешнего времени. Адрианов, если мы долго не виделись или не разговаривали по телефону, мог позвонить и напрямую спросить:

— Ты чего-то пропал? Может быть, я обидел тебя? У Наташи спрашивал, она говорит, что вроде бы не обижал...

Или вот, говоря о фотографии в очередном номере “Вертикали”, мы не согласились друг с другом по поводу качества их воспроизведения. Прощаясь в большой прихожей, Юрий Андреевич окликнул меня уже от двери и так беззащитно посмотрел, так удивлённо-непонимающе пожал плечами (значит, почувствовал, что невольно обидел, и не хотел, чтобы я уходил от него с этим чувством в сердце), что тёплая волна прокатилась у меня в груди. Как я мог допустить, чтобы эта чистая душа несла по моей вине какую-то тяжесть! Я тут же вернулся, и мы крепко обнялись.

Не помню, чтобы ещё с кем-нибудь во мне появлялось такое чувство покаяния и стремления к миру в отношениях. Но рассказанное выше вовсе не означает, что Адрианов был таким рохлей, бесхребетным добрячком в творческих оценках. В том, что касалось дела, он был твёрд, бескомпромиссен и категоричен. При этом Юрий Андреевич с глубоким уважением относился к творческому труду, какого бы уровня и качества он ни был. Что же касалось непосредственно оценки этого труда — тут да, существовала строгая и опять же бескомпромиссная градация. Но это уже дело другое, это оценка не просто труда, а профессионализма. Так, в наших разговорах стоило мне “увлечься” и чьё-то творчество подвергнуть критике, как Адрианов жёстко (не грубо, а именно жёстко, немедленно, категорично) говорил, как отрубал — нет, этот писатель талантлив. После такой оценки тут же понимаешь — дальнейший разговор в этом ключе и в этой тональности невозможен, бессмыслен.

В то же время мне не раз приходилось слышать от других литераторов снисходительно-насмешливую оценку стихотворений самого Юрия Андреевича. Мол, это всё скучно, вторично, нет в них ничего нового, привлекательно. Ну, что тут можно сказать...

Я думаю, эти досужие разговоры шли от непонимания того внутреннего, творческого состояния поэта, которое он переживал. И его затворничество, нежелание ходить на публичные встречи, “появляться в обществе” тоже провозгласило эти разговоры. Но ведь в таком его образе жизни не было ничего нарочитого. Глубокое осмысление прожитого и узанного требовало сосредоточенности, отвергало суету. Последние его земные годы — не жизнь в привычном понимании этого слова, а ощущение себя в истории и истории в себе. Процесс этот проходил вне зависимости от воли поэта — мою мысль подтверждает количество и качество им написанного. Особенно в стихах.

Как-то в одну из наших встреч Юрий Андреевич прочитал несколько новых своих стихотворений. Они мне очень понравились своей философичностью, мудростью.

— Какое понравилось больше всех? — спросил Адрианов.

Я ненадолго задумался, а потом прочитал небольшое, в две строфы, стихотворение, которое почему-то сразу запомнил. Хотя вообще-то с запоминанием поэтических строчек у меня проблема.

*Зрелый жёлудь — это капля вечности,
Миг, что должен жизнью прорасти!
По ночам потоком звёздной Млечности
Неба обозначены пути.*

*Тишина просторная, усталая
Залегла в дубовые леса,*

*Где в земле сокрыта капля малая —
Древа плодоносная слеза.*

Несколько позже, совсем неожиданно для себя, я увидел это стихотворение опубликованным в еженедельнике “Земля нижегородская” с посвящением мне и был этим чрезвычайно тронут. Потом мы напечатали стихотворение ещё раз в подборке с другими новыми произведениями поэта в одном из выпусков “Вертикали. XXI век”.

Вспомнил я об этом стихотворении не случайно. На его примере можно с достаточной убедительностью подтвердить ту мысль, что сформулирована мной немного выше.

Поэзия Адрианова на протяжении всего его творческого пути и особенно последних лет жизни пространственна. Она в своих ощущениях воспринимает историческое время в целостности, в едином объёме, как единую составляющую мироздания, не разбитую на условные периоды. И потому, говоря о каком-то историческом факте или, как в нашем примере, о всего лишь лесном желуде, упавшем с ветки, он видит, ощущает этот факт в объёме, в непрерывности времени. Прошлое, сегодняшнее время и будущее в Адрианове существует единым фактом. Точно так же, как и микромир в равной степени соединён с макромиром, с бесконечностью — в ощущениях поэта они взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимопроникаемы. Ведь зрелый жёлудь — капля, но не уничтоженного мира, а вечности. Микрособытие равно бесконечности истории. Следующая строчка это подтверждает — “миг, что должен жизнью прорасти!”. В том, что это событие равно грандиозности Мироздания, поэт убеждает нас, заставляя взглянуть на Млечный поток, где “неба обозначены пути”. И тут же космическую тишину неба вновь уравнивая с тишиной дубового леса, где она “просторная, усталая”, он, будто проникая взором в земную твердь, доверительно с нами делится знанием, что там, в глубине, “сокрыта капля малая”, являющаяся залогом будущей жизни — “плодоносная слеза”.

Всё это показано, ощущено в едином образе вечности. Млечный Путь немислим без жёлудя, и наоборот. Так движение жизни, движение времени ощутить дано далеко не каждому. Передать же это в поэтической строке — только истинному таланту, только человеку, глубоко мыслящему и размышляющему над прожитой собственной жизнью, над её значимостью, ценностью и ответственностью.

Потому к неблагоприятным, низким поступкам других он относился столь серьёзно и требовательно. Я думаю, что эта сверхчувствительность к нравственной оценке поступков лежит в той же плоскости, в первую очередь, в требовательности к себе.

Адрианов легко прощал ошибки и заблуждения, он был открыт сердцем. Вот почему так тяжело его всякий раз ранили сознательные предательства.

Знаю, многие расценивали его ранимость как некий каприз человека, избалованного судьбой и талантом. Я же склонен считать это потрясением от вопиющей несправедливости, возможно, даже подлости, потрясением от поступков, которые сам он никогда бы совершить не смог. Конечно, это всего лишь мои предположения, и, вполне возможно, я многого не знаю. И всё-таки выпало и на мою долю кое в чём убедиться, кое-что испытать. А ряд событий свёл нас с Адриановым как невольных участников.

В один из вечеров мы встретились по делам журнала с Адриановым. В разговоре коснулись темы предстоящей смены председателя в нашем отделе Союза писателей. Юрий Андреевич рассказал, что его всячески уговаривали приехать на собрание и проголосовать за одну из кандидатур, но он однозначно отказался. А вот кто будет ещё на выборах выдвинут, он не знал. Я сознался, что дал согласие на участие в выборах. Адрианов обрадовался, одобрил моё решение. Опять встал вопрос — ехать или нет на собрание. Я попросил его этого не делать.

— Кто-то должен оставаться независимым, быть над схваткой. Слишком высока и дорога для многих ваша репутация, — сказал я тогда Юрию Андреевичу.

Описывать, как проходило перевыборное собрание, думаю, нет необходимости. При подсчёте голосов оказалось, что я проиграл в один голос. Я вздохнул с облегчением. Пронесло! Чуть было не ввязался в совсем не нужное для меня дело.

Адрианов происшедшим был глубочайше возмущён. Он звонил мне, жалел, что не поехал на собрание, возмущался подтасованным результатом... Я его успокаивал, убеждал, что вовсе не расстроен и что так для меня и журнала лучше.

— Да, иначе они бы тебе мстили. Может, и действительно, так спокойно, — подвёл итог нашего разговора Юрий Андреевич.

Адрианов искренне, заинтересованно меня предостерег.

Больше к этой теме мы не возвращались.

V. Журнал “Вертикаль. XXI век”

К тому времени, когда Юрий Андреевич начал сотрудничать с “Вертикаль”, вышло уже три книжки альманаха. Альбина Петровна Гладышева, обозреватель по культуре газеты “Земля нижегородская”, предложила Адрианову познакомиться с ними и, если будет для поэта интересно, откликнуться рецензией.

Юрий Андреевич прочитал книжки альманаха, содержание понравилось, и вскоре в еженедельнике появилась статья “Альманаха голос доверительный”, в которой он писал: “. . . Осенью прошлого года внезапно появился небольшой уютный альманах “Вертикаль”, издаваемый под редакцией члена Союза писателей России Валерия Сдобнякова. . . Думаю, что это не только новое лицо в культурной жизни области, но явление и выстраданное, и долгожданное. . . Если бы можно было позволить себе говорить о литературном издании, как о произведении живописи, то я бы сказал, что редакционным советом найдена верная тональность. Интонация беседы с читателем доверительная и негромкая, как в общении с добрым человеком.

Даже в раздумьях о современной России нет визгливых мнений и базарного крика. Есть момент исповедальности. . .

Всё содержание нового издания обращено к надежде на обретение человеческой душой вечных нравственных истин.

Оглядываясь назад, на прошлые времена, размышляя над потоком нынешних дней, проза, поэзия, публицистика на страницах альманаха “Вертикаль” ищет негромко и нешумно, но достойных ответов на смысл бытия. . .

Альманах невелик по объёму, он не мечется на случайные тропы или боковые просёлки. . .

Утренняя тишина рождает погожий день. Рождение “Вертикали” было тахим. Да пусть в этом будет добрый знак! Главное начать, благословясь”.

Это была своевременная поддержка изданию, так как вокруг альманаха начала складываться неприятная, враждебная обстановка. В чём тут причина — я и сейчас понять не могу. Но я обратился к Адрианову с предложением дать что-либо из вновь написанного для публикации в “Вертикали”. Он с готовностью откликнулся. Так в альманахе появились первые публикации любимого нижегородцами поэта — цикл стихов “Из тетради 2002 года” и статья “Запечатлённая память”, где он предлагал:

“Нижегородская, печерская земля — зримое начало нашей письменной истории, первый свод знаний о родине. . . (Здесь, на этой земле была написана известная “Лаврентьевская летопись”. — **В. С.**). Думаю: нижегородцам надо достойно прославить это место. Необходимо установить недалеко от Спасской церкви, в Старых Печерах, памятный Знак. Наверное, лучше всего его сделать из скромного известняка, которым всегда и любовно пользовались древнерусские зодчие. Это родной камень! И пусть надпись на нём сообщает грядущим поколениям о славном деянии, что свершилось на этой былинной земле. Ведь окраина Старопечерской слободы — бесспорно, одно из красивейших, согретых Богом, мест нашего города. Здесь великий след Истории!”

С этого момента творческая связь поэта с журналом (а с начала 2003 года периодичность уже журнала “Вертикали. XXI век” возросла до четырех выпусков в год, увеличилась и печатная площадь издания, обложка стала цветной и индивидуальной: журнал “приобрел лик” — и, наконец, он был зарегистрирован в соответствующем государственном органе как литературно-художественный) уже не прерывалась до самой кончины поэта. Ещё печатались стихи, несущие в себе чувство ностальгии по прошлому:

*Переулоч, временем забытый,
Где блеснит бульжничок под дождём.
Палисад с калиткою открытой,
Старый дом, где никого не ждём.*

*Скользкие дощатые ступени,
Что порой вздохнут едва-едва.
Сумрак, где ветшают даже тени!
Живы только памяти слова.*

*Распростёрся тусклый жёлтый вечер
Над былым у смертного конца.
Лишь обрывки доброй русской речи
Шелестят, как листья у крыльца.*

Но главным произведением Адрианова, которое мы публиковали в “Вертикали. XXI век” (к сожалению, оставшимся неоконченным) стала его книга воспоминаний “Память Дятловых гор”.

С первого же нашего контакта Юрий Андреевич полностью принял идею издания, горячо и заинтересованно её поддержал. Он вообще был человеком неравнодушным – всё, что происходило на литературном поле Нижегородчины (как и вообще в России), его чрезвычайно интересовало. Для него это было, как дышать воздухом. Казалось, он знает о творчестве всех, кто когда-то работал или сейчас работает в литературе. И относился к этому труду, каково бы качества ни был, с уважением, хотя при этом мог многое у автора не принимать, не разделять его взглядов.

Я ни разу не слышал от Адрианова в отношении к чьему-то творчеству высокомерно-презрительной оценки “графоман”. Он знал истинную цену труду над неподдающимся, неукротимым словом и потому уважительно относился к авторским поискам, хотя конечного итога мог и не принимать. Это всегда оставалось личным делом сочинителя, исключительно редко афишируемым, если, по его мнению, конечный результат оказывался отрицательным. Все-му же достойному он искренне радовался и делился этой радостью с каждым, кто был готов её воспринять. Щедро высказывался по этому поводу в печати. Талант – только от Бога.

Вот написал я сейчас эту фразу и подумал: а сколько “литературных начальников”, особенно в провинции, ставят себя “на место Бога”, решая, кто имеет право писать, а кто – нет. Кого объявить гением, кого – графоманом и недостойным внимания. И как, к сожалению, часто творчество людей, особенно если оно самостоятельно и нестандартно, тяжело в таких условиях пробивалось и пробивается к читателям. Какой же неоценимой поддержкой для таких литераторов служат оценки истинных писателей, бескорыстно преданных литературе творцов! Как был бы сер и убог мир без их жертвенности, без их “высшей справедливости”, без их способности радоваться милости Божией, дарованной всем нам через талантливые поэтические строки, через прозаические художественные образы, через горячее публицистическое слово!

В этот период мы очень часто встречались. Только Юрий Андреевич, единственный, мог позвонить и порадоваться вместе со мной по поводу печатного доброжелательного отклика в газете, будь то центральная “Литературная газета” или наша местная периодика, на очередной выпуск журнала.

Конечно, и это было совершенно естественно, он вошёл в редакционный совет “Вертикали”, причём не на правах “свадебного генерала”, а как работающий, заинтересованный в конечном результате её член.

Как-то он даже мне обмолвился:

– Ты ждёшь от меня помощи. Но что я могу? И себе на книжку достать денег не получается.

Я начал заверять Юрия Андреевича, что совершенно об этом не думаю и что доволен главным его сотрудничеством – творческим. Вроде бы на этом “инцидент” был исчерпан.

Но через какое-то время, зайдя к Адрианову, я получил от него пакет с письмом, адресованным бывшему нашему Нижегородскому губернатору И. П. Складову. Подписан конверт был так: “Председателю Фонда владыки

Николая от Адрианова Юрия Андреевича (Почётного гражданина Нижегородской области)».

В этом письме поэт писал:

Дорогой Иван Петрович!

Извините, но беспокою Вас по делу, что Вам по сердцу, как русскому человеку! Уже 5 раз в нашем Нижнем выходил альманах “Вертикаль” – издание православных писателей. Его знают и в столицах, и в православных храмах Европы. Его поддерживают и печатаются в нём лучшие писатели России – Вас. Белов и Вал. Распутин. № 6 они хотят посвятить св. Серафиму. Не можете ли помочь изданию?.. Дело святое! Язык издания русский, чистый; мысли – добрые. Я – член редколлегии. Кроме меня, там нар. артист России В. Никитин, академик геологии Коломиец. Редактор В. Сдобняков – ученик Валентина Распутина.

Вы понимаете, что это за издание?! Врагов много!

*С уважением к Вам, Юрий Адрианов.
1 марта 2003 г.*

Конечно, я не верил в действенность письма (привык, что помощь “Вертикали. XXI век” почти всегда приходит провидчески, почти мистически и зачастую не оттуда, откуда её ждешь), но, чтобы не оставить столь искренний порыв Юрия Андреевича – помочь журналу – без внимания (а дела тогда с финансированием журнала в очередной раз были крайне тяжёлыми), я всё-таки сходил в кабинет к высокому чиновнику и передал послание поэта.

Сразу скажу – ничего, кроме глубокого разочарования, эта встреча во мне не оставила. И не потому, что было отказано в помощи. Нет, не в моей гордыне тут дело. Мне было горько за поэта, за его чистый порыв, за открытый тон послания, за высокие слова, обращённые к равнодушному чиновнику, пропитанному ощущениями и впечатлениями своего бывшего губернаторства.

Тут меня могут упрекнуть, что я необъективен. Напомнят, как Скляров выделил деньги на издание книги Адрианова “Нижегородская отчина”. Всё это я знаю. Но вижу и другое – чиновники считают писателей никчёмными попрошайками. А ведь писательский труд, сейчас почти не оплачиваемый, рассчитан не только на сиюминутное служение, но на служение во времени. И Склярова, может быть, со временем вспомнят лишь потому, что выделил он бюджетные (не от себя, родимого, копеечку оторвал) деньги на издание книги Адрианова “Нижегородская отчина”, которая будет служить верой и правдой не одному поколению нижегородцев. Конечно, не всем скопом, а только тем, кто захочет быть причастным к великой истории своей страны, к истории и жизни своих предков.

И ещё я пишу эти строки в назидание для того, чтобы помнили наши власти: вы останетесь в памяти отечественной истории (хоть и не велика в подавляющем случае будет эта историческая зарубка) такими, как о вас, о вашей деятельности расскажут писатели. Не услужливые журналисты, которые ежедневно с экранов телевизоров льют елей вам в уши и заполняют газеты вашими фотографиями, а именно писатели. Их вдумчивое перо, их этическая и нравственная оценка ваших поступков могут послужить будущим поколениям и как повод для восхищения вами, и как повод для осмеяния ваших пороков и недостатков. Помните об этом. Знаю, бывает и писательское перо продажным, но далеко не всякое и далеко не всегда.

О том, что Юрий Андреевич болен, я узнал от Наташи. И всё-таки надежда теплилась – как-то он свою хворь преодолееет. В худшее верить не хотелось никак. Потому, когда узнал, что это всё-таки произошло, и Адрианов в больнице, – в тоске сжалось сердце от предчувствия большой беды.

Болезнь Юрия Андреевича совпала с завершением публикации последних переданных нам глав книги “Память Дятловых гор” у нас в “Вертикали. XXI век”. Но обложка ещё свёрстана не была. И я попросил Наташу – дай этюды Юрия Андреевича, любые, на свой вкус. Порадуем его. Пусть не только проза, но и его живопись украсят журнал. Наташа быстро откликнулась, принесла два этюда Адрианова – “Берёзовая опушка. Полдень” и “Покров”. Оба они были напечатаны – один на первой странице обложки, другой – на

четвёртой. Как только получили книжку журнала из типографии, я с Алексеем Марковичем тут же поехал в областную больницу им. Н. А. Семашко – передать автору его публикацию.

Юрий Андреевич нас встретил радостно, но болезнь слишком быстро прогрессировала. Смотреть на него было больно, как на всякого человека, глубоко страдающего.

Мы попытались немного его развлечь, разговорить. Помогли получше усесться в кровати, так, чтобы дневной свет из окна доставал до изголовья.

Пришло время прощаться.

Я уже стоял поодаль от кровати, ближе к двери, готовясь выйти из палаты, когда Юрий Андреевич позвал меня. Я вернулся, и он тихо попросил: “Обними меня”. Мы обнялись. У него были худые, обессиленные болезнью руки.

Вернувшись к себе и сев за письменный стол, я всё продолжал и продолжал думать об этом нашем прощании. В то же время бессознательно теребил в руках книжку последнего номера журнала, буквально накануне полученную из типографии. И вдруг невольно задержал свой взгляд на тех живописных работах, что были на обложке. Насколько символичными они мне вдруг открылись.

Полдень. Опушка берёзового леса. В облаках небо. Всё насыщено жизнью, наполнено цветом. Но в глубине берёзы облиты жёлтым, и от этого весь пейзаж несёт в себе предчувствие некой неосознанной, ожидаемой грусти. Нет в нём видимых причин грустить, но мы-то видим – полнота жизни на картине столь конечна, что после неё неминуемо придёт увядание, осень, зима, пусть не вечная, но смерть. Я резко перевернул журнал.

Замерзшее озеро, запорошённые первым снегом прибрежные камыши, и одинокая покинутая лодка у берега. Больше ей уже никуда не уплыть. Это её предел, её вечное пристанище.

Ох, Наташа, Наташа... И как только тебя угораздило подобрать именно эти этюды, что пророчески легли на обложку с последней прижизненной публикацией Юрия Андреевича?..

VI. Последняя книга

Наташа позвонила утром. Я ещё не ушёл на работу. Она рыдала и как закливание повторяла:

– Юра умирает. Пожалуйста, привези срочно из типографии университета его книгу “Провинциальные Гомеры”. Пусть он успеет поддержать её в руках.

Наташа звонила ещё, когда я собирался выходить из дома. Торопила и торопила. А я, честно признаюсь, всё это отнёс на импульсивность женской природы и до конца её словам не поверил. Да разве можно было в это поверить, что Юрия Адрианова вдруг не станет среди нас. Не будет его новых книг, статей, стихов, не будет телефонных звонков с искренними впечатлениями от только что прочитанного, увиденного, сделанного им самим.

Типография Нижегородского государственного университета мне хорошо знакома. Получив малую часть тиража книг, я спешно поехал в больницу, где понимала приближение наступающей беды, но ещё надеялась на чудо Наташа Адрианова – жена поэта.

Вообще, у книги “Провинциальные Гомеры” трагическая судьба. И не только потому, что она оказалась последним изданием, вышедшим при жизни автора. Просто я знаю, как она писалась, готовилась к изданию. По поводу неё мы часто говорили с Юрием Андреевичем и по телефону, и у него дома, и во время наших поездок на машине по городу. Бывало, закончив подготовку очередной главы, он звонил вечером мне домой в хорошем, неподнятом настроении и как бы между прочим, например, сообщал:

– Закончил сегодня ещё одну главу.

И я понимал – это для Адрианова и есть главное событие последних дней.

Но, говоря о трагической судьбе книги, я, в первую очередь, имел в виду то, что все герои напечатанных в ней очерков – духовно близкие Адрианову люди (Б. Е. Пильник, Н. И. Кочин, Н. Г. Бирюков, А. П. Бринский, Ф. Г. Сухов, А. И. Люкин...) – покинули этот мир, кто давно, кто сравнительно недавно. Юрий Андреевич разговаривал в книге с прошлым, оценивал его, проецировал на сегодняшние времена.

И это проецирование, это сравнение отражалось болью в сердце поэта. А ещё он понимал свою ответственность перед памятью ушедших и то, что, кроме него, эту книгу уже никто не напишет. Эта ответственность довлела над ним, поэтому Адрианов так стремился дописать и издать свой труд, поэтому так ждал его выхода. Он понимал: книга нужна для будущего, для преемственности поколений в нижегородской литературе, вообще – в культуре.

Сейчас, когда эта книга у нас есть, мы можем по-разному к ней относиться. Но я твёрдо знаю – будут на Нижегородчине разные времена. И в каждое новое время книга будет читаться по-своему, каждому времени она будет давать что-то своё.

Когда я вошёл в палату, был поражён тем, как часто, глубоко, с хрипом дышит Юрий Андреевич. Грудь его часто и высоко вздымалась, глаза были почти закрыты, руки, щёки, лоб были бледны и мертвенно холодны.

Я распаковал пачку. Наташа взяла книгу и с приговариванием, в слезах, будто твердя заклинание, вложила её в руки Юрия Андреевича. И тут я понял – это было последнее, на что она надеялась, как на чудо, что ещё могло вернуть нам поэта. Его долгожданная книга. По тому, как повёл в сторону глаза Адрианов, мне показалось, что он всё понял. Но невыносимая боль затмевала всё в сознании.

На некоторое время Наташа вышла из палаты, оставив нас одних.

Я сидел рядом с кроватью, у изголовья, держал свою ладонь на холодной руке поэта и говорил ему то, о чём много раз думал, но не произносил вслух. Я хоть и прощался, но в то же время понимал: очень много Юрий Андреевич оставил нам своего, потаённого в стихах, прозе, живописи. А значит, уходит он от нас как бы не полностью. Часть его души, его света, его голоса теперь неотлучно будет с нами.

Вернулась Наташа. Я стал прощаться. Наклонившись в последний раз, я приобнял и поцеловал в щеку дорогого мне человека и пообещал, что приеду вечером или завтра утром.

Через час нижегородские телевизионные каналы сообщили, что Юрия Андреевича Адрианова не стало.

В одном из номеров “Вертикали. XXI век”, как бы отвечая будущим своим клеветникам и недоброжелателям, поэт опубликовал такое стихотворение:

*Я часто был слугой греха,
Но не позорного порока!
Державе русского стиха
Служил без страха и упрёка!*

*И даже в самый смутный час
Я верность сердца не нарушил
И счастлив тем, что всё же спас
От суеты и честь, и душу.*

*Чтил память предков, память всех,
Друзей не отдал на закланье,
И лишь исконный русский грех
Себе оставил в назиданье.*

.....
17 января 2003 г.

Только тем, что служил “державе русского стиха”, мы и будем помнить русского поэта Юрия Андреевича Адрианова.